

СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

МОДЕЛИ ЛЕГИТИМАЦИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ПОСТАВЩИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова^а
(elena.iarskaia@gmail.com; eiarskaia@hse.ru)

Ольга Александровна Бодрова^б

^а Международная лаборатория исследований социальной интеграции,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Ярская-Смирнова Е.Р., Бодрова О.А. (2021) Модели легитимации некоммерческих организаций как поставщиков социальных услуг. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(1): 45–78. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3>

Аннотация. Представлена рефлексия различных моделей легитимации социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО): рыночная ориентированность, социальный капитал, институциональная логика, эмоциональная приверженность, традиционалистские установки, критическая модель. Анализ проводится с опорой на теоретические источники, результаты опубликованных исследований, материалы из интернет-ресурсов некоммерческих организаций и массмедиа. Модели легитимации СОНКО включают нормативные оправдания существующей политики и практики в отношении таких организаций. Играя по правилам рыночной экономики, они функционируют, с одной стороны, как автономные субъекты, а с другой — как комплементарные и подконтрольные государству. Реформируемые системы социальных услуг в регионах характеризуются разной степенью вовлеченности некоммерческих провайдеров, что требует рассмотрения вопросов о легитимности в специфических институциональных контекстах. Хотя рыночная аффилиация СОНКО отчасти повышает их готовность к вызовам внешней среды, низкий уровень общественного и институционального доверия делают их уязвимыми перед более властными и ресурсно обеспеченными конкурентами. Неравномерный рост доверия к различным формам общественных объединений структурирован на макроуровне реформами социальной сферы, при этом у субъектов партнерского взаимодействия в социальной сфере складываются разные аргументы легитимации. Легитимация становится индивидуальным и коллективным проектом восходящей мобильности для некоммерческих провайдеров социальных услуг. В процессе легитимации им приписываются характеристики, фиксируемые законодательством, показателями рейтингов и проверок, обсуждаемыми в сообществах НКО и массмедиа. Организации стремятся

соответствовать предъявляемым различными акторами требованиям и общественным ожиданиям в отношении рыночной эффективности, укорененности в локальном контексте, аффективной и ценностной конгруэнтности с донорами и целевыми группами, партнерства с государственными структурами. При этом СОНКО должны обладать достаточной гибкостью, чтобы маневрировать между ожиданиями разных стейкхолдеров и вплетать разные логики в организационную идентичность.

Ключевые слова: легитимность, социально ориентированные некоммерческие организации, поставщики социальных услуг.

Введение

В мае-июне 2020 г. благотворительный фонд КАФ провел исследование о последствиях пандемии коронавируса для некоммерческих организаций (НКО). Главный итог — организации третьего сектора испытали тяжелый кризис, снизив объемы работы, но сплотились, запустили новые программы и проекты, наладив гуманитарную помощь, сетевую поддержку и обучение новым приемам работы в условиях изоляции (Филантроп 2020). Когда не хватало поддержки государственных и родственных структур, именно некоммерческие и благотворительные организации стали более заметны: они протянули руку помощи многим из тех категорий граждан, которые оказались в социальном вакууме, — пожилым, онкобольным детям и взрослым в интернатах и хосписах, проявив себя реально работающими структурами социальной поддержки. Государство отреагировало, составив в июне 2020 г. реестр СОНКО, достойных получить дополнительные меры поддержки ввиду сложной ситуации, связанной с пандемией (Реестр СОНКО 2020).

Публикация списка вызвала скандал, поскольку, помимо благотворительных и общественных организаций, там оказались и банки, и частные детсады, учрежденные РЖД и газонефтекомпаниями (Степанова 2020), приходы РПЦ, банки, профсоюзы, футбольные клубы и другие ошибочно включенные структуры. Список вскоре был исправлен, но благодаря этому казусу понятие «СОНКО» было поставлено под вопрос, и роль государства в символической кодификации явлений гражданского общества громко обсуждалась в публичной сфере. Ситуация пандемии обнажила проблему легитимности социально ориентированных некоммерческих организаций — новых акторов в системе социальных услуг.

Трансформация системы социального обслуживания в направлении разгосударствления социальной сферы началась в 1990-е годы. С 1996 г. в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ некоммерческие организации, осуществляющие социальную поддержку

и защиту граждан, были наделены правом получать поддержку органов государственной власти и местного самоуправления. С 2006 г. по закону № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» государственные структуры начали учреждать некоммерческие организации с целью передачи им полномочий в сфере оказания услуг, в том числе по социальной защите населения (Федеральный закон № 174-ФЗ 2006).

Понятие социально-ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) появилось в 2010 г. в Федеральном законе № 40-ФЗ, где они определялись через деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, а также другие виды деятельности, предусмотренные статьей 31.1 упомянутого выше Федерального закона № 7-ФЗ и законодательством субъектов Российской Федерации. Ключевую роль в институционализации некоммерческих поставщиков социальных услуг сыграли Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (Федеральный закон № 442-ФЗ 2013) и Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (Федеральный закон № 44-ФЗ 2013), а также региональное законодательство, которое регулирует процессы учреждения и функционирования СОНКО.

Количество некоммерческих организаций, оказывающих социальные услуги, ежегодно растет (Мерсиянова, Беневоленский 2017: 96), однако этот показатель в субъектах федерации не одинаков: от 2,6 до 34,5 на 10 тыс. населения (Рейтинг субъектов Российской Федерации 2019). Доверие таким провайдерам со стороны государственных структур, доноров и общественности формируется неравномерно. А их услуги не всегда востребованы среди потребителей, для которых некоммерческая организация еще не стала привычным источником помощи. Эти акторы действуют и ожидают поддержки в согласии с духом и буквой закона, но чиновники и население не спешат признавать их.

Вхождение НКО в рынок социального обслуживания, плотно занятый государственными провайдерами, — сложная, даже болезненная проблема. Многим организациям приходится себя «легитимировать» в глазах потребителей, чиновников, доноров, представителей третьего сектора — объяснять, подстраиваться под новые условия, лавировать. И от региона к региону ситуация может сильно различаться. Как можно охарактеризовать легитимность российских СОНКО в столь разных перспективах? Обсуждение этого вопроса мы проведем с разных теоретических позиций, обоснованных в первом разделе с опорой на классические и современные

интерпретации легитимности социального порядка. В последующих разделах представлена рефлексия различных аспектов легитимности СОНКО на материалах исследовательских публикаций и эмпирических примеров из открытых источников. В заключении приводятся размышления о возможностях консенсуса и противоречиях аргументов легитимации.

Теоретические основы легитимности СОНКО

В социологическом смысле понятие легитимности рассматривается не как неотъемлемое свойство какого-либо порядка, а как формируемое в головах людей. Легитимный порядок, по Веберу, обладает устойчивостью, значимостью и престижем (Вебер 1990: 300) и бывает двух видов: а) условность, невозможность отклонения от которой гарантируется порицанием; б) право, значимость которого оправдывается легальными санкциями за нарушение. Внутренние гарантии легитимности — это эмоциональная преданность, вера в абсолютную непреложную ценность порядка, вера в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка, а внешние связаны с ожиданием последствий, с некоторым интересом (Вебер 1990: 369).

Легитимный порядок — это нормативный аспект общественной системы, в логике Парсонса, причем легитимность достигается через ценностный консенсус (Парсонс 1997: 20–22). В процессе легитимации возникают различные медийные коды, средства символической коммуникации (Луман 2001: 31–32). Символизация, по Н. Луману, является неизменным реквизитом легитимации (Луман 2001: 25). Умение нравиться, знание окружения, апелляции к истории, доверие — это те предпосылки легитимации, которые связаны с символической кодификацией. Причем происходит легитимация на разных уровнях, перетекая с одного на другой, — в повседневных объяснениях «так уж устроены вещи», в квазитеоретических утверждениях прагматического толка (моральные максимы, пословицы), теоретических умозаключениях, за которые берутся эксперты, и в символической сфере, на уровне идеологии (Бергер 1995: 153).

Идеологии становятся особыми механизмами оправдания (Попова 2000: 23), которые производятся и транслируются легитиматорами — интеллектуалами, журналистами, делающими порядок значимым и правомерным (Бауман 2003). Соответственно изменения идеологии вносят коррективы в существующие установления, легитимируя одни порядки и делегитимируя другие, а «легитимации, получающие общественное оправдание, закономерно становятся признанными формами личной мотивации» (Миллс 2001: 24). Легитимацию мы можем рассмотреть как процесс атрибуции положительных свойств, благодаря которому социальный порядок положительно воспринимается разными группами акторов.

Но явная манипулятивная риторика властных элит может не гарантировать легитимации порядка, а вызвать у подчиненных масс цинизм, пишет Д. Битэм (Beetham 2013), приводя в пример социалистические страны Восточной Европы в 1980-е годы. Если даже общественное мнение одобряет существующий порядок, это еще не гарантирует ему легитимность (Попова 2000). Легитимность тех систем, где подчиненные воспринимают очевидный разрыв между декларируемыми качествами, оправдывающими позицию власть имущих, и качествами, которыми те на самом деле обладают, оказывается под вопросом. У Вебера находим также указание на возможность делегитимации порядка: если он постоянно нарушается, то значимость такого порядка становится ограниченной или вообще утрачивается (Вебер 1990: 369).

Нас интересует, как и почему в России становится легитимным такой социальный порядок, при котором некоммерческие организации оказывают населению социальные услуги, и что может препятствовать его легитимации. Существующие таксономии различных теоретических подходов к объяснению отношений между государством и НКО в социальной сфере предлагают выделить объяснительные модели: «провалы рынка», «социальный капитал» и «исторический путь модернизации отношений между государством и третьим сектором» (Беневоленский, Шмулевич 2013: 150–151). Классификация отношений государства и гражданского общества в зависимости от баланса власти содержит варианты сотрудничества, игнорирования и конфронтации (Сунгуров 2009). Нас в большей степени интересуют схемы, объясняющие легитимность НКО в глазах различных групп акторов, например рыночная, институциональная, модель социального капитала и критическая (Thrandardottir 2015: 107).

Отталкиваясь от упомянутых таксономий, мы предлагаем следующие способы рассуждения о легитимности социально ориентированных некоммерческих организаций: легально-рациональный, целерациональный, ценностно-рациональный, аффективный и традиционный. Следуя М. Веберу, будем рассматривать порядок в двух смыслах: как конвенцию и право. Начнем с того, что этот порядок является легальным, так как он закреплен на законодательном уровне (Федеральный закон № 7-ФЗ 1996). Такая аргументация будет затрагивать *институциональную логику* развития СОНКО как подсистемы, достраивающей государственную систему социальной защиты в России, а также как организационно-правовой формы социального обслуживания, распространенной в разных странах мира.

Нормативная легитимность порядка в этом случае обусловлена внешними гарантиями — принуждением соблюдать правила и санкциониро-

ванием нарушений. Вместе с тем, хотя деятельность СОНКО вполне легальна, вряд ли можно с уверенностью сказать о высокой устойчивости, значимости и престиже этой новой организационной формы. В частности, известно, что рост государственно-частных партнерств в различных регионах происходит с неодинаковой скоростью (Рейтинг субъектов Российской Федерации 2020), поэтому важно учитывать внешние и внутренние организационные контексты на уровне нормативно-когнитивного консенсуса, морали и рациональных мотивов.

Отсюда становится ясно, что рассматриваемый порядок является также условностью, или конвенцией, значимость которой оправдывается не правовыми санкциями за нарушение, а аргументами конвенционального свойства. Во-первых, это *рациональный интерес*: представления о большей экономической эффективности, лучшей управляемости СОНКО по сравнению с государственными социальными службами (Аналитический отчет 2013). Такой интерес присущ управленцам и донорам, но его могут разделять и сами НКО, и некоторые получатели услуг. Подобный тип рассуждения можно назвать рыночным, для него характерна логика нового социального менеджмента (New Public Management, NPM). Во-вторых, *традиционная мотивация*, которая санкционирует нарушения неодобрением определенного круга лиц (Вебер 2016: 353). В-третьих, *эмоциональные мотивы*. В-четвертых, *ценностно-рациональное убеждение* в значимости некоммерческих поставщиков может возникать в качестве дискурса о СОНКО как неотъемлемой части гражданского общества, их вкладе в процессы социальных изменений в направлении демократизации. Еще один дискурс, оправдывающий участие НКО в оказании социальных услуг, связан с делегитимацией прежнего порядка. Назовем его *эмансипаторным, или критическим*.

Таким образом, мы имеем дело с различными подходами к легитимации СОНКО, мы будем называть их также моделями, которые, с одной стороны, репрезентируют часть реальности, изучаемое явление, а с другой, — представляют собой интерпретации, объяснения, аргументацию этих явлений. Выполняя различные функции, модели явлений и объяснительные модели не исключают друг друга, выступая репрезентациями в обоих смыслах одновременно (Frigg, Hartmann 2006). Начнем разговор с рыночной модели аргументации легитимности некоммерческих поставщиков социальных услуг.

Рыночная легитимность СОНКО

К этой модели легитимности относят преимущественно прикладные исследования отношений государства и гражданского общества (Бенево-

ленский, Шмулевич 2013: 150–151). Аргументация роли СОНКО ведется с точки зрения «провалов рынка и государства». В этом дискурсе делается акцент на том, что организации третьего сектора восполняют недостатки системы социальных услуг, находя рыночные ниши, при этом проводится экономическое сравнение предоставления социальных услуг государственными, некоммерческими и бизнес-структурами (Беневоленский, Шмулевич 2013: 150–151). Легитимность, понятая в этой логике, зависит от способности НКО выполнять контрактные обязательства, проводится анализ затрат и результата, спроса и предложения (Thrandar-dottir 2015: 110), управляемости, подотчетности, дается экономическое обоснование функциональной готовности к оказанию социальных услуг населению (Мартынов 2019: 91). Рассуждая в духе NPM, авторы делают акцент на том, что негосударственные, в частности некоммерческие, поставщики более эффективны в экономическом смысле по сравнению с государственными поставщиками социальных услуг в сфере администрирования финансово-материальных средств, оптимизации расходов, мониторинга и оценки результатов деятельности, гибкости при принятии управленческих и производственных решений (Купряшин 2016). Помимо экономических аргументов легитимации СОНКО, отмечается их гибкость и доступность, близость к социальному пространству получателей социальных услуг, нередко «уникальных» социальных групп, труднодостижимых для традиционных государственных сервисов (Участие НКО в оказании услуг 2019).

В публикациях отмечают способы повышения конкурентоспособности и привлекательности этих игроков на квазирынке социальных услуг: наиболее успешные НКО привлекают волонтеров и частные пожертвования, обеспечивают комплексный подход к решению социальной проблемы, способны продолжать проектную деятельность после завершения финансирования (Мерсиянова, Беневоленский 2016), в большей мере ориентированы на рынок бенефициаров и его потребности (Корнеева, Ойнер 2018: 457–458). Чтобы НКО могли быть более уверенными игроками на поле социальных услуг, им необходима финансовая и административная поддержка, в России — в первую очередь от государства (Беневоленский, Шмулевич 2013), что ведет к увеличению контроля со стороны государства. От некоммерческих провайдеров ожидается изменение поведения в соответствии с рыночными принципами, в частности ведение самоокупаемой деятельности на принципах бизнеса. Предполагается, что «такие НКО могут стать лидерами социальных изменений в обществе и источниками социально-экономического развития регионов» (Социальная ярмарка в Татарстане 2019). Тем самым признается роль третьего сектора в неолиберальной

модификации общественных ценностей. В рыночной модели некоммерческие провайдеры, наряду с другими негосударственными, показаны предпринимателями, работающими в логике эффективного управления, конкурирующими за ресурсы. Во-первых, многие СОНКО ведут коммерческую деятельность, а во-вторых, даже некоммерческая активность подчиняется логике нового социального менеджмента. В реальности эта конкуренция создает СОНКО серьезные вызовы, ведь предпочтения потребителей все еще на стороне государственных (муниципальных) провайдеров. Так, важной частью системы долговременного ухода стали негосударственные провайдеры, а конкуренция здесь устроена специфическим образом: и заказчик, и контролер, и организатор торгов — это государственные и муниципальные органы власти (Богданова 2020). В такой ситуации воспроизводит практики отбора «своих» поставщиков.

Дополнительный барьер обусловлен новыми правилами выделения субсидий, согласно которым финансирование теперь зависит от результатов ежемесячных проверок (Федеральный закон № 189-ФЗ 2020). В связи с этим получатели услуг, даже те, кто готовы полностью возмещать частным поставщикам их расходы на оказание услуг, не уверены в стабильности отношений. Кроме того, система позволяет чиновникам произвольно устанавливать непрозрачные коэффициенты, влияющие на распределение средств между поставщиками (Богданова 2020). Спектр возможностей социального обслуживания, таким образом, сужается, у клиентов сокращается выбор, многие из них останутся на обочине, поскольку действующие согласно фиксированной схеме государственные сервисы принимают далеко не всех. Необходимо наладить независимую и компетентную систему оценивания (Альянс в интересах детей 2020) и прозрачные партнерские отношения между государством и остальными участниками социального обслуживания.

Некоммерческим организациям нужна общественная поддержка, поэтому во многих исследованиях ставится актуальный вопрос доверия третьему сектору в целом и СОНКО в частности. Обсуждение этой проблематики ведется в рамках следующей модели.

Социальный капитал СОНКО: модель социальных изменений

В рамках этой модели третий сектор представлен как приносящий благо обществу, аргументация ведется в духе либерально-демократической системы ценностей на основе свободы объединений (Thrandardottir 2015: 111). Большой размер третьего сектора, его влияние и автономия свидетельствуют в этой логике о его легитимности как ресурсе развития демократии. НКО представляют интересы людей, активных членов обще-

ства, объединяющихся на основе своих интересов и укрепляющие нормы сплоченности, взаимопомощи, плодотворного сотрудничества и гражданской вовлеченности. Все это, согласно Р. Патнэму, способствует формированию социального капитала, т.е. тех принципов и других особенностей социальной организации, «которые способны упрочить эффективность осуществляемых обществом координированных действий» (Пантэм 1996: 215). В свою очередь, социальный капитал повышает заинтересованность государства в сотрудничестве с НКО (Беневоленский, Шмулевич 2013: 150–151). В исследованиях выявляется корреляция между показателями общественного доверия к некоммерческим организациям и общего доверия граждан к политическим институтам (Dellmuth, Tallberg 2015). А там, где государство с подозрением относится к горизонтальным институтам солидарности и взаимодействия на низовом уровне, ограничивая свободу собраний, общество в ответ не доверяет государственным институтам (Edelman annual report 2019).

Несмотря на то что отношение населения к некоммерческому сектору со временем становится более позитивным, эта динамика неравномерная: по данным исследования НИУ ВШЭ, в 2015 г. тех, кто доверял хотя бы одной НКО, было 38 %, в 2017-м — 65 %, а в 2019 показатель понизился до 59 % (Алмазова 2019). В снижении общественной легитимности НКО журналистами (Zakharova 2016), социологами и политологами отмечалась роль закона «об иностранных агентах» (Tysiachniouk, Tulaeva, Henry 2018: 615–637). Другой возможной причиной эксперты называют реформу пенсионной системы (Алмазова 2019).

В обществе фиксируется недоверие к деятельности общественных некоммерческих организаций в социальной сфере на основании распространенных мнений о якобы необоснованно высоких выплатах штатным сотрудникам СОНКО за счет бюджетных и грантовых средств, обсуждаются и факты коррупции в сфере распределения грантовых средств и несоответствие направлений деятельности потребностям населения (Мартынов 2019: 88). Опрос жителей Санкт-Петербурга и Екатеринбурга в 2020 г. свидетельствует о преобладании тех, кто доверяет только государственным учреждениям социального обслуживания. При этом более половины опрошенных все же считают, что благодаря негосударственным поставщикам расширяется спектр предоставляемых услуг. Это свидетельствует о необходимости информационной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций региональными и муниципальными властями и более активной работы самих НКО по разъяснению среди населения своих возможностей как производителей социальных услуг (Старшинова 2020: 420–421).

В рассуждениях о легитимности НКО в аспекте их социального капитала используются межстрановые, межрегиональные сравнения, доказывающие наличие разнообразных условий, опосредующих конфигурацию третьего сектора в том или ином регионе или стране. Хотя организации гражданского общества Патнэмом рассматривались как посредники демократии или как силы, противостоящие доминированию бюрократии и рынка, в разных политических режимах роль третьего сектора варьирует. Форма и размер некоммерческого сектора в стране находятся под сильным влиянием не только настроений, предпочтений и благополучия отдельных граждан — потребителей, но и исторически сформированных шаблонов политической, социальной и экономической власти (Salamon, Sokolowski, Haddock 2017). Эти шаблоны, однажды созданные, как правило, сохраняются в качестве «колеи развития» (path dependency) до тех пор, пока они не столкнутся с вызовами новых социальных или политических событий (Salamon, Skokova, Krasnopolskaya 2020). В России развитие гражданского общества характеризуется относительно небольшим сегментом как оплачиваемой, так и добровольной рабочей силы некоммерческого сектора, ограниченной поддержкой со стороны государства и сильно сдерживаемым правозащитным элементом (Mersiyanova et al. 2017: 223–236). Такой паттерн развития определяет ресурсы легитимности некоммерческого сектора со стороны властных структур.

Неоднозначное отношение государства к организациям третьего сектора воплощается в нормативных дискурсах и создает разные возможности развития НКО: исследователи говорят о треках «безопасности» и «благополучия» (Bogdanova, Cook, Kulmala 2018: 501–513). Подобно втягивая на распутии, российские НКО, выбирающие *security track*, рискуют оказаться без источников к существованию. Многие из тех, кто получал финансирование из международных фондов, были объявлены неблагонадежными и закрылись как «иностранные агенты» после 2012 г.

«Трек благополучия» (welfare track) открывает для российских НКО возможности участвовать в отечественных грантовых программах, получать бюджетное финансирование на предоставление услуг населению. С середины 2010-х годов это направление пошло в гору благодаря курсу на монополизацию сферы социальных услуг, создание квазирынков и развитие механизмов аутсорсинга. Преимущество здесь получают исторически «укорененные» организации, а также бывшие государственные учреждения или кооптированные с ними.

Организации третьего сектора пытаются адаптироваться к сложившимся условиям и развивать свою деятельность в новых условиях, в том числе применяя различные стратегии и тактики сотрудничества, совме-

щать адвокацию и просвещение по острым вопросам, стараясь не диссоциировать с интересами государства, при этом повышать экспертную и консультативную роль гражданского общества (Bogdanova, Cook, Kulmala 2018: 508).

Контекст, в котором действуют СОНКО, может поддерживать, а может снижать их легитимность. И хотя некоммерческие провайдеры социальных услуг в России выступают легальными акторами, они функционируют в такой системе, которая изначально не была предназначена для негосударственных игроков. В российских регионах статистский режим реформируется разными способами; в силу различных экономических, политических причин, на основе исторически сложившихся межсекторных отношений создаются модели институционализации СОНКО. В каждой из этих моделей востребованы те или иные инструменты легитимации. Так, в одних регионах преобладают провайдеры, реорганизованные из муниципальных социальных сервисов (модель институционального замещения), в других обнаруживаем диверсификацию предпринимателей (модель институциональной включенности), в третьих — смешанные стратегии развития квазирынка социальных услуг с участием разнообразных провайдеров (модель первичной институционализации) (Заболотная, Ларионов 2017: 76). Для того чтобы быть легитимной в глазах тех или иных групп акторов, организация должна отвечать их ожиданиям, представлять интересы (Thrandardottir 2015: 111) своих благополучателей, доноров, профессиональную точку зрения на социальные проблемы. При этом каждый из репрезентируемых интересов или взглядов может фасилитировать или нарушать процесс легитимации. О столкновениях и переплетениях различных логик легитимации в организационном контексте СОНКО речь пойдет в следующем разделе.

Институциональная логика легитимности СОНКО

Деятельность некоммерческих организаций часто обсуждается в технических терминах: для кого, зачем и как созданы, — и основной упор делается на легальную, нормативную правомочность НКО, их отчетность, встроенность в региональные, национальные и международные системы. Легальные основания существования СОНКО были созданы российским законодательством, и у исследователей возникают закономерные вопросы о правовых и административных условиях развития некоммерческого сектора социальных услуг в регионах. Так, в различных регионах создается нормативно-правовая база, но уровень нормативной обеспеченности СОНКО в различных субъектах РФ неравномерный (Рудник, Куштанова, Романова 2017). В исследованиях представлены региональные вариации

административной поддержки некоммерческих провайдеров, а также складывающиеся отношения партнерства с государственными структурами (Рудник, Куштанина 2018). В условиях двойственной политики ограничений и поддержки НКО на федеральном уровне складываются значительные вариации в межсекторных отношениях в регионах (Toerler, Pape, Benevolenski 2020: 47–65).

В некоторых источниках подчеркивается вторичный характер некоммерческого сектора как встраиваемого, заполняющего лакуны в системе welfare state (Рудник, Куштанина, Романова 2017: 111). В других НКО выступают полноценными игроками, партнерами государства (Государство и НКО 2019). Впрочем, одно не противоречит другому, поскольку, даже появившись в качестве дополнительного ресурса, некоммерческие социальные сервисы становятся более заметными игроками на поле социального обслуживания.

СОНКО не является лишь встраиваемым элементом системы, дополняющим общую картину, такие организации могут выступать инициаторами законодательных изменений. В мире уже много примеров влияния НКО на международное право, например роль Amnesty International в сфере прав человека (Thrandardottir 2015: 113). В России НКО в меньшей степени заметны в поле политики, но примеры активных действий в правовом поле есть (Дименштейн 2008). Потенциал деятельности СОНКО в области содействия реализации государственной политики отмечается, например, Комитетом гражданских инициатив в таких направлениях: контроль над государственной властью, согласование интересов, социальная интеграция, политическая социализация (Гражданское общество 2012).

Институциональная модель показывает важную роль СОНКО в системе welfare state, помогает понять ресурсы и пределы легитимности НКО как глобальных, национальных и региональных акторов. При этом важную роль играет как внутренняя организационная среда, так и внешнее окружение (Scott 2010: 14). Эти среды рассматриваются неинституционалистами как нормативные миры, из которых в организации поступают правила и убеждения (Meyer, Scott 1992: 302). Организация может оказаться в противоречивой ситуации выбора между двумя гарантиями своей жизнеспособности в своем институциональном окружении — эффективностью и легитимностью, которые Д. Мейер и Б. Роуэн полагают альтернативными (Meyer, Rowan 1977: 340–363). Успешность выбора организацией одной из альтернатив для достижения ресурсной устойчивости зависит от множества факторов, одним из которых является межинституциональное доверие. На протяжении последних 15 лет социологического

наблюдения за СОНКО в России сохраняется низкий уровень легитимности в восприятии институциональным окружением (Мартынов 2019: 91), и это свидетельствует о системных проблемах их развития. Несмотря на то что НКО могут восприниматься в некоторых видах услуг как разумная альтернатива государственным поставщикам, чиновники настаивают на том, что некоммерческие организации должны вначале заработать собственную репутацию и заслужить доверие (Soldatkin, Blackburn 2020: 534).

Каковы основания этого доверия? По определению У. Скотта, легитимность — это социально сконструированное, культурно-когнитивное условие, которое присваивает действиям организации или другого социального субъекта характеристики блага, уместности и желательности, основываясь на субъективных представлениях заинтересованных наблюдателей (Scott 2001: 72). Организационная легитимность, по Скотту (Scott 2001: 74), может быть разных видов: регуляторная зависит от того, насколько организация соглашается с управляющими инстанциями, когнитивная — это результат обретения статуса всем понятного, принимаемого по умолчанию института, нормативная указывает на конгруэнтность ценностей организации более широкому контексту.

У М. Сачмана (Suchman 1995: 571–610) находим сходную типологию организационной легитимности: когнитивная, моральная и прагматическая. Когнитивная, или смысловая, означает встроенность организации по умолчанию в систему общественных представлений. Моральная предполагает ориентацию на культурные и ценностные нормы сообщества (Тулаева 2010: 130), поэтому организация будет считаться легитимной, если ее одобряют с нравственно-этических позиций. Если признание выгодно тем, кто легитимирует организацию, то мы имеем дело с прагматической формой. В реальных обстоятельствах конфликт разных смыслов, нравственных и рационально-прагматических мотивов становится барьером на пути обретения легитимности новыми организациями (Московская, Берендяев, Москвина 2017: 31–51).

Мощным источником нормативной легитимности является одобрение организации, полученное от тех или иных аудиторий или стейкхолдеров, институтов, образующих внешнюю среду. Это доноры, партнеры, бенефициары, каждый из которых формирует собственные ожидания от организации. Отсюда возникает вопрос «легитимность для кого?» (Lister 2003: 184–188). Имеется в виду, что признание со стороны разных стейкхолдеров может иметь разную значимость для организации. Например, признание СОНКО региональным правительством может быть важнее, чем ее восприятие потребителями.

Для того чтобы повысить шансы на более стабильное финансирование и другие формы поддержки, СОНКО должна войти в реестр некоммерческих организаций — исполнителей общественно полезных услуг. По закону (Федеральный закон № 166-ФЗ 2020), вступившему в силу 15.09.2020, такой статус может быть присвоен организации, реализовавшей проект при поддержке Фонда президентских грантов. Такие организации будут пользоваться кредитом доверия государства без дополнительных заключений о надлежащем качестве оказываемых услуг от региональных органов власти. Подобное нововведение объяснимо тем, что в фонде инструменты и процедура оценки реализации проектов были разработаны, прошли апробацию и скорректированы многолетней практикой экспертизы. В данном случае мы наблюдаем, как элементы институционального контекста транслируют новые требования, и если организация признает их более эффективными по сравнению с используемыми, это будет мотивировать сознательное принятие ею новых норм поведения, так называемый нормативный изоморфизм (Dimaggio, Powell 1991), ведущий к структурной устойчивости организации.

Принимая во внимание экологическое определение легитимности, можно считать, что организация может сочетать легитимности различных групп потенциально с конфликтующими интересами. Может произойти так, что организация предпочтет своими когнитивными моделями быть конгруэнтной доминирующим дискурсам, т.е. тем само собой разумеющимся классификациям и конструктам, которые влияют на организацию извне, со стороны внешнего контекста и определяют ее легитимность (Lister 2003: 188). В частности, в долгосрочных межсекторных партнерствах связи с бизнес-компаниями могут приводить к кризису легитимности НКО, подвергая испытаниям ключевые ценности и черты идентичности (Herlin 2015: 822–858). Но чаще организационная рациональность интегрирует различные формы легитимности (Kravchenko, Moskvina 2018).

Легитимация становится проектом восходящей мобильности для некоммерческих провайдеров социальных услуг, причем он носит как индивидуальный, так и коллективный характер: эксперты и аналитики третьего сектора выявляют проблемы и отстаивают интересы СОНКО, проводят обучение и налаживают межсекторное партнерство (Агентство социальной информации, Центр «Грани» и многие другие примеры). Когда организации включаются в договорные отношения с разными институциональными агентами, они создают организационные коды, средства символической коммуникации, чтобы поддержать свою результативность и легитимность. В этой связи особое значение приобретает эмоциональная легитимация.

Эмоциональная приверженность: аффективная легитимация СОНКО

Организации обретают или утрачивают легитимность в глазах своих бенефициаров, доноров, общественности. Получатели услуг могут приписать легитимную значимость СОНКО в силу аффективной приверженности, например имея положительный эмоциональный опыт как бенефициары или получив чувственно нагруженную информацию, яркие примеры из рассказов знакомых, историй в социальных сетях.

Проводя краудфандинг и осуществляя информационные и пиар-кампании, некоммерческие провайдеры социальных услуг осуществляют эмоциональную работу. Представляя историю, успешные практики из опыта работы, обращаясь к примерам из жизни своих благополучателей, их проблем и успешного решения, организации прибегают к патетике (Myers 2007), трогательным визуальным образам, чтобы привлечь внимание и расположить к себе аудиторию и потенциальных доноров (Krysik 2018: 504). Однако из-за своих активных действий, становясь заметными и проявляя позицию в публичной сфере, организации рискуют быть восприняты различными аудиториями или представлены оппонентами в негативных эмоциональных тонах как «манипуляторы», «сутяжники», «деспотичные, нервные или догматичные» (Ashforth, Gibbs 1990: 177–194).

Некоммерческие организации стремятся выстраивать эмоциональную связь с донорами, гармонизируя свои кампании в социальной рекламе с их ожиданиями, располагая к доверию, предоставляя истории о своей деятельности и конкретных людях, нуждающихся в помощи. При этом некоторые публикации в социальных сетях могут иметь катастрофические последствия для легитимности НКО. Так, благотворительные пожертвования Красному Кресту в Китае упали более, чем на 86 %, после того как пользователи сети Weibo увидели в аккаунте сотрудницы этой организации фотографии ее роскошной собственности. Организацию обвинили во лжи и коррупции, скандал вызвал и законодательные изменения (Di Lauro, Tursunbayeva, Antonelli 2019: 6).

От информированности и доверия общества, а не только от наличия поддержки на макро- и микроуровнях зависит устойчивость проектов НКО (Грешнова 2010: 38–44; Москвина 2020: 388). В связи с этим ресурсные центры гражданского общества предпринимают усилия по обучению некоммерческих акторов, включая СОНКО, механизмам социальной рекламы, информационных кампаний, коммуникации с общественностью (История центра 2020) и государственными органами. Такие центры создаются как по инициативе третьего сектора, так и властными струк-

турами, в том числе с целью подготовки НКО к государственно-частному партнерству, к роли поставщика социальных услуг (Инкубатор социальных услуг 2020).

Коммуникации с партнерами и получателями услуг, формирующие позитивный имидж через эмоциональное восприятие СОНКО, остаются областью постоянного поиска и тестирования как успешных технологий, так и областей их применения. Иногда легитимность организаций формируется традиционными мотивами — в силу привычки или под угрозой санкций, подразумеваемой или транслируемой в контексте неформальных отношений.

Традиционная модель легитимности СОНКО

При выстраивании взаимодействия НКО и местной власти руководители организаций стремятся преодолеть недоверие к ним со стороны чиновников, закрепить личные связи на разных уровнях. В этих процессах большую роль играет человеческий фактор. Требуется время и усилия, чтобы наладить сотрудничество. При этом, даже если региональные власти пытаются сохранить монополию на предоставление социального обслуживания, ясные сигналы с федерального уровня постепенно изменяют это отношение (Гришина 2020: 400).

Намек на возможные санкции читается в президентских посланиях, где упоминается необходимость поддержки НКО, например: «Мы должны исключить дискриминацию негосударственного сектора в социальной сфере, убрать для него все барьеры. Подчеркну, не только законодательные, которые в основном сняты, но и те, что еще сохраняются, имею в виду организационные, административные» (Послание Президента 2014). В этом случае можно говорить о неформальном соглашении действующих лиц, которое воплощается в дискурсе о приверженности управленцев векторам реформ (Чирикова 2011: 10–11). Глава государства делает акцент на разделяемом знании о законах, но специальная просьба, адресованная администраторам на местах, указывает на традиционную легитимацию порядка: «Считаю правильным поэтапно направлять некоммерческим организациям до 10 процентов средств региональных и муниципальных социальных программ <...>. Мы исходим из того, что мы хорошо с вами знаем действующее законодательство, мы ничего не навязываем, но я прошу руководителей регионов и муниципалитетов учитывать это в своей работе» (Послание Президента 2015). Отрицание и противопоставление «не навязываем, но...» семантически указывает на отказ от применения силы с одновременным контролем других акторов в расчете на их приверженность (Дубровская 2016). Эта формулировка отражает традицион-

ную модель легитимации. Власть декларирует нужность НКО и требует их признать, поддерживая деятельность организаций гражданского общества, прежде всего в области социальной защиты, здравоохранения и образования и проекты, связанные с консервативным публичным дискурсом, как показал анализ результатов конкурсов Фонда президентских грантов в 2013–2016 гг. (Fröhlich, Skokova 2020).

В некоторых случаях СОНКО образуется на месте хорошо известной клиентам муниципальной социальной службы — тогда их доверие основано на традиционной мотивации, привычной уверенности в значимости всегда существовавшего института, который продолжает функционировать по тому же адресу, с теми же исполнителями и оказывает те же услуги (Перечень СОНКО Башкирии 2020).

Поддержка именно таких НКО, ассоциируемых с государством еще с советской истории, еще один инструмент традиционной легитимации. Всероссийские общества инвалидов, слепых, глухих имеют широкие авторитет у населения и пользуются государственной поддержкой с момента их основания. Их деятельность, в свою очередь, вносит вклад в легитимацию власти (Toepler, Fröhlich 2020: 698–709). Традиционные, устоявшиеся среди населения практики получения услуг в государственных социальных службах с трудом поддаются пересмотру. Региональные же власти демонстрируют консерватизм, не стремятся внедрять в процесс управления системой социального обслуживания новые подходы, более адекватные актуальным изменениям, «предполагающие не только перераспределение полномочий, но и отказ от доминирующей роли в принятии решений» (Старшинова 2020: 423).

Паттерны бюрократизма и формализма в проведении конкурсов и оценки потенциала НКО получить бюджетное финансирование на оказание услуг также могут быть рассмотрены в терминах традиционного мышления региональных властей. Новые возможности не сразу получают признание в глазах местной бюрократии: «В регионах пионеры из числа негосударственных организаций в первое время сталкиваются с недоверием со стороны местных властей» (Гришина 2020: 400). Чиновники воспринимают их как чужаков, демонстрируя непонимание преимуществ.

Там, где уровень общественного доверия НКО, местной власти, бизнесу и СМИ среди населения низкий, может сформироваться высокий уровень доверия между отдельными людьми, друзьями друзей. На этом тогда и выстраивается работа НКО по фандрайзингу и привлечению волонтеров (Sätre, Varyzgina, Granber 2020: 512).

Институциональная модель, подкрепленная аргументами эмоциональной приверженности и силой традиции, имеет широкий инструментарий

для понимания условий и процессов легитимации СОНКО. Однако наиболее явно на ценностной позиции, политической повестке, идеологиях и конфликте интересов в легитимации СОНКО фокусируется следующая модель.

Критическая модель

Организации гражданского общества понимаются здесь как ресурс противостояния дискриминации, призванный способствовать инклюзии и усилению (*empowerment*) тех, кто слаб или исключен из процесса принятия решений в обществе, в противовес патерналистским, неолиберальным и иным сегрегирующим моделям социальной защиты (Thrandardottir 2015: 115). Нормативная легитимность видится в принятии и равенстве культурно разнообразных обществ и групп, политике доступа и перераспределения ресурсов, возможности равных, партисипаторных отношений между провайдерами и получателями услуг (Холявин 2020: 462).

Критическая модель позволяет эксплицировать противоречия в процессе легитимации СОНКО. Организации гражданского общества, возникшие в 1990-е или в начале 2000-х, как показывают исследования, могут испытывать трудности с обретением легитимности в качестве поставщиков услуг, не обладая достаточной материальной базой и специализируясь на уникальных случаях. Заключение контрактов требует от социально ориентированных НКО вести деятельность в соответствии с государственными требованиями, а выполнение собственной миссии или независимой инициативы может быть затруднительно (Bogdanova, Cook, Kulmala 2018: 506). При этом они движутся навстречу глобальной (или государственной) власти и отдаляются от безвластных акторов, теряя свою приверженность принципам свободных ассоциаций и групп самопомощи, происходит их деполитизация (Thrandardottir 2015). Появляются иные приоритеты, например стабильное финансирование, и НКО стараются обходить трудные вопросы неравенства, перераспределения ресурсов, зависимости от корпораций и государства, ассимиляции с рыночными или бюрократическими структурами. Происходит перекраивание гражданского общества под нужные власти лекала. В этом подходе критикуется легитимность таких НКО, которые служат оправданием режима (Тарасенко 2013).

Является ли легитимация СОНКО однозначно общественным благом? В процессе отладки отношений между государством и СОНКО наряду с принятием конструктивных решений допускаются ошибки и манипуляции, создаются организации специально для получения государственных грантов, в реестры СОНКО, определяющие критерии господдержки, попадают частные структуры, а за его пределами оказываются тысячи социально ориентированных поставщиков (Бегтин 2020). Явные ошибки

подвергаются критике и устраняются, но многое остается за фасадом. Проблематика СОНКО нуждается в постоянной рефлексии и открытой дискуссии в исследовательских публикациях и массмедиа.

Кроме того, возникает вопрос, насколько НКО в принципе могут быть независимыми агентами, насколько велика их способность и возможность вносить вклад в обсуждение несправедливости (Thrandardottir 2015: 117). Оставаясь на стороне целевой группы, некоммерческие организации, получившие статус СОНКО, продолжают осуществлять представительство интересов целевой группы, отстаивать ее права, сочетая функции социального обслуживания с адвокацией (Fröhlich 2012: 371–389). Благодаря деятельности таких организаций и ресурсных центров НКО растет компетентность занятых в третьем секторе людей. Данная тенденция в критической модели рассматривается как очередной вызов гражданскому обществу. С одной стороны, профессионализм выступает ресурсом легитимации СОНКО. С другой стороны, именно «аспекты профессионализации НКО взаимосвязаны с процессом “объективации” бенефициаров третьим сектором» (Холявин 2020: 462), что ведет к недооценке агентной позиции, потенциала гражданского участия благополучателей, а также представительства интересов сообщества. Когда общественные объединения успешно работают с грантовым финансированием, они рискуют трансформироваться из низовых организаций самопомощи в бюрократические структуры. При этом такие организации утрачивают партисипаторность, усиливают бюрократизм и повышают роль экспертного знания (Холявин 2020). Менеджериализация и профессионализация увеличивают разрыв между специалистами и получателями услуг, ведут к объективации пожилых клиентов.

Заключение

В российском обществе постепенно устраняется неопределенность в отношении СОНКО и растет готовность соглашаться с предлагаемыми решениями — для региональных органов власти (передавать часть финансирования и доверять исполнению социальных услуг некоммерческому сектору), для граждан — получать услуги у некоммерческих организаций. Играя на поле по правилам рыночной экономики, СОНКО функционируют, с одной стороны, как автономные субъекты, а с другой, — как комплементарные и подконтрольные государству. Они заполняют лакуны в поле востребованных социальных услуг, компенсируют недостатки государственных и рыночных игроков в соответствии с нормативно-правовыми рамками своей деятельности. Эти рамки одновременно формируют возможности и ограничивают, переориентируют негосударственные организации. Создаваемые партнерства в сфере социальных услуг в регионах

характеризуются разной степенью вовлеченности некоммерческих провайдеров, что требует рассмотрения вопросов о легитимности в специфических институциональных контекстах. И хотя рыночная аффилиация СОНКО отчасти повышает их готовность к вызовам внешней среды, нестабильный уровень общественного и институционального доверия, а также изменения правового поля и сохраняющиеся непрозрачные механизмы отбора и контроля делают их уязвимыми перед более властными и ресурсно обеспеченными конкурентами.

Нельзя не учитывать и человеческий фактор в аспекте эмоционально-аффективного опыта, накопленного в процессе взаимодействия как с государственными, так и негосударственными институтами в социальной сфере, в актуальной практике социальных услуг. Аффективную легитимацию СОНКО среди получателей услуг можно рассматривать в качестве их обратной связи со своими целевыми группами — как показатель эмоционального комфорта, а значит удовлетворенности качеством услуги и человеческих отношений в процессе ее оказания. Обратная связь с благополучателями, выявляющая удовлетворенность деятельностью СОНКО, является не только частью рутинного мониторинга деятельности организации. Эмоциональной приверженностью закрепляется еще и определенный стандарт качества работы в социальной сфере, который распространяется в других секторах общества, формируя соответствующие требования к качеству заботы.

Неравномерный рост доверия к различным формам некоммерческих организаций структурирован на макроуровне политическими решениями, реформами социальной сферы, при этом у разных субъектов партнерского взаимодействия в социальной сфере складываются разные аргументы легитимации некоммерческих провайдеров. Какие проблемы может создать разное понимание общественной легитимности СОНКО представителями секторов общества? Такие расхождения мультиплицируют критерии легитимности и могут привести к выработке неверных стратегий социально ориентированными НКО как своего позиционирования в качестве поставщиков социальных услуг в местных сообществах посредством информационно-коммуникационных технологий, так и внутриорганизационного менеджмента и формирования корпоративной культуры, начиная с определения миссии СОНКО и заканчивая разработкой программ оценки и мониторинга реализуемых проектов и программ. Кроме того, восприятие их как вторичных по отношению к государственным сервисам тормозит процесс общественной легитимации СОНКО. Общественный консенсус о некоммерческих поставщиках как самостоятельных игроках на поле социальных услуг может рассматриваться одним из усло-

вий эффективности их общественно полезной деятельности, решающей многочисленные вопросы местного значения, признанные актуальными в том числе органами власти. Успешный выход СОНКО в пространство социальных услуг становится лейтмотивом в публичном обсуждении их актуальности и значимости для государства и общества.

Легитимация — это процесс атрибуции положительных результатов некоммерческим поставщикам социальных услуг: экономия бюджетных средств, индивидуализация и повышение качества услуг, заполнение пробелов в государственной системе, построение эмоционально комфортных человеческих отношений с получателями услуг. В процессе легитимации некоммерческим провайдером социальных услуг приписываются характеристики, фиксируемые в законодательстве, показателях рейтингов и проверок, обсуждаемые в сообществах НКО и массмедиа. Организации стремятся соответствовать предъявляемым требованиям и общественным ожиданиям, будь то рыночные модуляции или укорененность в локальном контексте, аффективная и ценностная конгруэнтность с донорами и целевыми группами, партнерские отношения с государственными структурами, когнитивный унисон с общественными представлениями. При этом СОНКО должны обладать достаточной гибкостью, чтобы маневрировать между ожиданиями разных стейкхолдеров и вплетать разные логики в организационную идентичность.

Модели объяснения и формы легитимации СОНКО, таким образом, включают нормативные оправдания существующей политики и практики в отношении таких организаций, которые с большей готовностью принимаются населением благодаря легитимирующим идеологиям. Эти идеологии разнородны по своему происхождению и аргументации. Рост участия институтов третьего сектора в сфере общественного блага легитимируется и как естественное право современного цивилизованного общества, и как норма действующего законодательства. Рыночная модель ставит акцент на неолиберальных идеалах, модель социального капитала в отечественном контексте обращается к статизму, традиционная склоняется к неоконсерватизму, а критическая — к эмансипации.

Каждая из рассмотренных моделей объяснения легитимности СОНКО задает свою перспективу анализа и позволяет обнаружить проблемы, незаметные с других углов зрения. Используя интеграцию подходов и исследовательских методов, возможно комплексно раскрыть проблемы легитимности СОНКО, усовершенствовать методологию их оценки и продвижения как субъектов межсекторного взаимодействия, поставщиков социальных услуг и проводников ценностей инклюзии и гражданского участия.

Выражение благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы выражают признательность анонимному рецензенту и редакторам журнала за ценные комментарии и рекомендации.

Литература

Баранов И.Н. (2012) Новый государственный менеджмент: эволюция теории и практики применения. *Российский журнал менеджмента*, 10(1): 51–64.

Бауман З. (2003) Законодатели и толкователи: Культура как идеология интеллектуалов. *Неприкосновенный запас*, 1: 5–20.

Беневоленский В.Б., Шмулевич Е.О. (2013) Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3: 150–171.

Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум.

Вебер М. (2016) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии*: в 4-х т. Т. 1. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Вебер М. (1996) Основные социологические понятия. Добренюков В.И. (ред.) *Западно-Европейская социология XIX — начала XX веков*. М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления: 455–491.

Грешнова Е. (2010) Результаты и эффекты деятельности НКО — помогают ли они завоевать доверие общества? *Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский контекст*. М.: Агентство социальной информации, 2010: 38–44.

Григорьев С.И., Катаева В.И., Фомичева Т.В. (2018) Инновационные практики социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) по делам семьи и детей в России. *Уровень жизни населения регионов России*, 1: 54–59.

Гришина Е., Цацура Е. (2020) Проблемы развития некоммерческого сектора социального обслуживания пожилых. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3): 395–410.

Дименштейн Р.П. (2008) Из правозащитной деятельности РБОО ЦПП: победа в Верховном Суде — отмена «варварского» Приказа Минздравсоцразвития. *Тез. докл. на круглом столе «Семья и ребенок-инвалид»*. М: Пресс-центр Государственного Кремлевского Дворца.

Дубровская Т.В. (2016) Методологические вопросы исследования оппозиций в политическом дискурсе (на примере оппозиции «сила vs слабость»). *Научный диалог*, 7(55): 23–44

Заболотная Г.М., Ларионов А.В. (2017) Региональные практики институционализации негосударственных поставщиков социальных услуг. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3: 72–91.

Комитет гражданских инициатив (2013) *Гражданское общество — ресурс развития России*. Информационно-аналитические материалы о деятельности негосударственных некоммерческих организаций «Негосударственные некоммерческие организации в Санкт-Петербурге». СПб.: Центр развития некоммерческих организаций.

Корнеева И.Е., Ойнер О.К. (2018) Ориентация на рынок и результативность деятельности российских некоммерческих организаций. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Менеджмент*, 17(4): 437–464.

Купряшин Г.Л. (2016) Публичное управление. *Политическая наука*, 2: 101–131.

Луман Н. (2001) *Власть*. М.: Праксис: 31–32.

Мартынов М.Ю. (2019) Социально ориентированные некоммерческие предприятия — обретение легитимности? *Социологические исследования*, 10: 83–93.

Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2016) Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 4: 7–26.

Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2017) НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2: 83–104.

Миллс Ч. Р. (2001) *Социологическое воображение*. М.: Nota bene.

Москвина А. (2020) Участие некоммерческих организаций в социальном предпринимательстве: влияние акселерационной деятельности (на примере акселератора ЦРНО 2015–2017 гг.). *Журнал исследований социальной политики*, 18(3): 379–394

Московская А.А., Берендяев А.А., Москвина А.Ю. (2017) Между социальным и экономическим благом: конфликт проектов легитимации социального предпринимательства в России. *Мониторинг общественного мнения*, 6: 31–51.

Парсонс Т. (1997) *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.

Пагнэм П. (1996) *Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии*. М.: Ad Marginem.

Попова И. (2000) Социологический подход к исследованию легитимности и легитимации. К постановке проблемы. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3: 21–41.

Рудник Б.Л., Куштанова Е.В., Романова В.В. (2017) Привлечение НКО к оказанию услуг социальной сферы. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 2: 105–129.

Рудник Б.Л., Куштанова Е.В. (2018) Привлечение НКО к оказанию социальных услуг: прозрачность применяемых процедур. *Вопросы государственного и муниципального управления*, 3: 117–137.

Старшинова А., Бородкина О. (2020) Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3):411–428.

Сунгуров А.Ю. (2009) Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт. Ясин Е.Г. (ред.) *Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. Кн. 1. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ: 500–508.*

Тарасенко А.В. (2013) Некоммерческий сектор на рынке социальных услуг: к чему ведут полумеры либерализации социальной сферы в России (опыт Санкт-Петербурга). НИУ ВШЭ [<https://publications.hse.ru/preprints/98524194>] (дата обращения: 04.10.2020).

Тулаева С. (2010) Государственное и негосударственное регулирование в российском лесном секторе: конфронтация или сотрудничество? (на примере внедрения сертификации FSC в России). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4: 112–126.

Холявин А. (2020) «Пирожки для бабушки»: критический взгляд на проектное мышление НКО. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3): 461–474.

Чирикова А.Е. (2011) *Социальная политика в современной России: субъекты и региональные практики*. М.: Институт социологии РАН.

Ashforth B.E., Gibbs B.W. (1990) The Double-Edge of Organizational Legitimation. *Organization Science*, 1(2): 177–194.

Bogdanova E., Cook L.J., Kulmala M. (2018) The Carrot or the Stick? Constraints and Opportunities of Russia's CSO Policy. *Europe-Asia Studies*, 70(4): 501–513.

Dellmuth L.M., Tallberg J. (2015) The Social Legitimacy of International Organizations: Interest Representation, Institutional Performance, and Confidence Extrapolation in the United Nations. *Review of International Studies*, 41(3): 451–475.

Di Lauro S., Tursunbayeva A., Antonelli G. (2019) How Nonprofit Organizations Use Social Media for Fundraising: A Systematic Literature Review. *International Journal of Business and Management*, 14(7): 1–22.

Dimaggio P.J., Powell W.W. (1991) The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. In: Powell W.W., Dimaggio P.J. (eds.) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. L.: The University of Chicago Press: 147–160.

Fröhlich Ch. (2012) Civil society and the state intertwined: The case of disability NGOs in Russia. *East European Politics*, 28(4): 371–389.

Fröhlich Ch., Skokova Y. (2020) Two for One: Public Welfare and Regime Legitimacy Through State Funding for CSOs in Russia. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 31(4): 698–709.

Herlin H. (2015) Better Safe than Sorry: Nonprofit Organizational Legitimacy and Cross-Sector Partnerships. *Business & Society*, 54(4): 822–858.

Kravchenko Zh., Moskvina A. (2018) Entrepreneurial NPOs in Russia: Rationalizing the Mission. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 29(5): 962–975.

Krysyk A. (2018) *Crowdfunding and Non-Profit Charities: Crafting Legitimate Profiles*. Master's Theses. Marquette University [https://epublications.marquette.edu/theses_open/504] (дата обращения: 16.10.2020).

Lister S. (2003) NGO Legitimacy: Technical Issue or Social Construct? *Critique of Anthropology*, 23(2): 175–192.

Mersiyanova I. V., Kononykhina O., Sokolowski W., Salamon L.M. (2017) Russia: A Classic Statist Model. In: Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. (eds.) *Explaining Civil Society Development: A Social Origins Approach*. Johns Hopkins University Press. Ch. 14: 223–236.

Meyer J.W., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *The American Journal of Sociology*, 83(2): 340–363.

Myers M. (2007) The Use of Pathos in Charity Letters: Some Notes toward a Theory and Analysis. *Journal of Technical Writing and Communication*, 37(1): 3–16.

Salamon L.M., Skokova Yu., Krasnopolskaya I. (2020) Subnational Variations in Civil Society Development: The Surprising Case of Russia. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 49(5): 1058–1081

Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. (2017). *Explaining civil society development: A social origins approach*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Scott W.R. (2010) Reflections: The Past and Future of Research on Institutions and Institutional Change. *Journal of Change Management*, 10(1): 5–21.

Scott W.R. (2001) *Institutions and Organizations*. Thousand Oaks: Sage: 2001.

Soldatkin A., Blackburn M. (2020) Institutional changes in state authorities collaborating with NGOs. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3): 523–538

Suchman M.C. (1995) Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *The Academy of Management Review*, 20(3): 571–610.

Såtre A.-M., Varyzgina A., Granberg L. (2020) The adaptation of local civic organisations in Russia to change: a case study of NGOs with a focus on social problems. *Журнал исследований социальной политики*, 18(3): 509–522.

Thrandardottir E. (2015) NGO Legitimacy: Four Models. *Representation*, 51(1): 107–123.

Toepler S., Pape U., Benevolenski V. (2020) Subnational Variations in Government-Nonprofit Relations: A Comparative Analysis of Regional Differences within Russia. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 22(1): 47–65.

Toepler S., Fröhlich C. (2020) Advocacy in authoritarian contexts: the case of disability NGOs in Russia. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 40(11–12): 1473–1489.

Tysiachniouk M., Tulaeva S., Henry L.A. (2018) Civil Society under the Law 'On Foreign Agents': NGO Strategies and Network Transformation. *Europe-Asia Studies*, 70(4): 615–637.

Источники

Алмазова Е. (2019) Исследование ВШЭ: треть россиян участвуют в деятельности хотя бы одной НКО. *Агентство социальной информации* [www.asi.org.ru/news/2019/06/27/issledovanie-doverie/] (дата обращения: 15.10.2020);

Аналитический отчет по оценке эффективности реализации проектов-победителей в двух конкурсах СОНКО на предоставление субсидий из краевого бюджета в 2013 году (2015) *Сибирский центр поддержки общественных инициатив*. С. 12–13 [https://scisc.ru/article/otsenka-e-ffektivnosti-realizatsii-proektov-pobeditelej-v-dvuh-konkursah-sonko-na-predostavlenie-subsidij-iz-habarovskogo-kraevogo-byudzhet-a-v-2013/] (дата обращения: 15.10.2020).

Бегтин И. (2020) Незачет по НКО. *РБК* [https://www.rbc.ru/opinions/society/17/06/2020/5ee8ce139a79479edce77585] (дата обращения: 15.10.2020).

Богданова Е. (2020) Старость с государством. Как власти выдавливают с рынка частные пансионаты для пожилых. *Новая газета* [https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/07/87417-starost-s-gosudarstvom] (дата обращения: 15.10.2020).

В Татарстане началась подготовка к социальной ярмарке — 2019 (2019) *Агентство социальной информации* [https://www.asi.org.ru/news/2019/08/19/kazan-sotsialnaya-yarmarka/] (дата обращения: 08.10.2020).

Инкубатор социальных услуг (2020) *Союз НКО* [(https://social.rosnko.ru/#block11873] (дата обращения: 15.10.2020).

История центра (2020) *Благосфера* [https://blagosfera.ru/istorija-centra/] (дата обращения: 15.10.2020).

Мерсиянова И. В. (2019) *О развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ*. Богословская Т.А. (ред.) Бюллетень Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. № 1(16): 35 [https://grans.hse.ru/data/2019/09/08/1537476714/Bulleten%2016_small.pdf] (дата обращения: 15.10.2020).

Министерство экономического развития Российской Федерации. (2020) Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития сферы ГЧП за 2019 год: 34 [https://economy.gov.ru/material/file/764aafac33fa544aec5b3008619e92a8/reiting_gchp_022020.pdf] (дата обращения: 15.10.2020).

Министерство экономического развития Российской Федерации (2020) Минэкономразвития сформировало реестр СОНКО для оказания мер поддержки в период распространения коронавируса. [https://economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/minekonomrazvitiya_sformirovalo_reestr_sonko_dlya_okazaniya_mer_podderzhki_v_period_rasprostraneniya_koronavirusa.html] (дата обращения: 15.10.2020).

Общественная палата Российской Федерации (2019) Государство и НКО: перспективы взаимодействия [https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2584/newsitem/49104?PHPSESSID=jsfr978rk06s4dquamo4qe0a3] (дата обращения: 04.10.2020).

Общественная палата Российской Федерации (2019) Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере: 85 [<https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/51386>] (дата обращения: 15.10.2020).

Перечень СОНКО Республики Башкирия, оказывающих социальные услуги населения (2020) *Министерство семьи, труда и социальной защиты Республики Башкирия* [https://mintrud.bashkortostan.ru/upload/uf/65e/nko_rb_soc.pdf] (дата обращения: 04.10.2020).

Послание Президента Федеральному Собранию (2014) *Президент России* [<http://kremlin.ru/events/president/news/47173>] (дата обращения: 15.10.2020).

Послание Президента Федеральному собранию (2015) *Президент России* [<http://kremlin.ru/events/president/news/50864>] (дата обращения: 15.10.2020).

Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки СОНКО и социального предпринимательства за 2019 год. Минэкономразвития РФ [https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_sostavlenn_reyting_subektov_rf_po_aktivnosti_podderzhki_nko.html] (дата обращения: 02.01.2021).

Степанова А. (2020) Элитное детство: «дочки» нефтекомпаний и РЖД получат помощь от государства. *Регнум* [<https://regnum.ru/news/economy/2983700.html>] (дата обращения: 15.10.2020).

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» от 08.06.2020 № 166-ФЗ (2020) *КонсультантПлюс* [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354459/] (дата обращения: 15.10.2020).

Федеральный закон «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» от 13 июля 2020 г. № 189-ФЗ (2020) *Российская газета* [rg.ru/2020/07/17/uslugi-dok.html] (дата обращения: 15.10.2020).

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (2013) *КонсультантПлюс* [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/] (дата обращения: 04.10.2020).

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (1996) *КонсультантПлюс* [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/7eaea9c371156f066aec7c807a57b0a923131657/] (дата обращения: 15.10.2020).

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (1996) *КонсультантПлюс* [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/] (дата обращения: 04.10.2020).

Федеральный закон «Об автономных учреждениях» от 03.11.2006 № 174-ФЗ, п. 1 ст. 1 (2006) *КонсультантПлюс* [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635/] (дата обращения: 15.10.2020).

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (2013) *КонсультантПлюс* [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/] (дата обращения: 04.10.2020).

Филантроп (2020) Проверили себя на стрессоустойчивость: как НКО пережили кризис. [<https://philanthropy.ru/analysis/2020/06/25/90391/>] (дата обращения: 15.10.2020).

Центр лечебной педагогики «Особое детство», «Перспективы» и «Прикосновение» объявили о создании Альянса в интересах детей и взрослых с психическими нарушениями (2020) *Центр лечебной педагогики* [<https://ccp.org.ru/tsennost-kazhdogo>] (дата обращения: 15.10.2020).

Центр развития некоммерческих организаций (2012) Гражданское общество — ресурс развития России: 60 [<http://www.crno.ru/assets/files/infomateriali.pdf>] (дата обращения: 04.10.2020).

19th Annual Edelman trust barometer, Annual report, [https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2019-02/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf] (дата обращения: 02.01.2021).

Frigg R., Hartmann St. Models in Science, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed.by Zalta E.N. (2006) [<http://plato.stanford.edu/entries/models-science/>] (дата обращения: 17.01.2020).

Fröhlich Ch., Skokova Y. (2020) Two for One: Public Welfare and Regime Legitimacy Through State Funding for CSOs in Russia *Voluntas International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 31: 4. 698–709 [<https://publications.hse.ru/en/articles/343303659>] (дата обращения: 16.10.2020).

Zakharova O. (2016) Vladimir Putin Loves Civil Society (As Long As He Controls It) (2016) *Foreign policy* [<https://foreignpolicy.com/2016/10/12/vladimir-putin-loves-civil-society-as-long-as-he-controls-it/>] (дата обращения: 15.10.2020).

MODELS OF LEGITIMATION OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS SOCIAL SERVICE PROVIDERS

Elena Iarskaia-Smirnova^a (elena.iarskaia@gmail.com)
Olga Bodrova^b

^aInternational Laboratory for Social Integration Research,
HSE University, Moscow Russia

^bHSE University, Moscow Russia

Citation: Iarskaia-Smirnova E., Bodrova O. (2021) Modeli legitimatsii nekommercheskikh organizatsiy kak postavshchikov sotsial'nykh uslug [Models of legitimation of non-profit organizations as social service providers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(1): 45–78 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.3>

Abstract. The article presents a reflection of various approaches to explaining the legitimacy of socially oriented non-profit organizations (SONPOs): market orientation, social capital, institutional logic, emotional commitment, traditionalist attitudes, critical model. The analysis is based on theoretical sources, published results of relevant empirical studies, evidence from the Internet resources of non-profit organizations and mass media. SONPO legitimation models include normative justifications of the existing policies and practices in relation to such organizations. Following the rules of a market economy, SONPOs function, on the one hand, as autonomous entities, and on the other, as complementary to and controlled by the state institutions. The reforming social service systems in the regions are characterized by varying degrees of involvement of non-profit providers. Thus, the consideration of questions of legitimacy in specific institutional contexts is required. It is shown that although the market affiliation of SONPOs partly increases their readiness for the challenges of the external environment, the low level of public and institutional trust makes them vulnerable in front of the more powerful and resource-provided competitors. The uneven growth of trust in various forms of public associations is determined at the macro level by reforms in the social sphere, while different subjects of partnership in the social sphere have different arguments for legitimizing the non-profit providers. Legitimation is becoming an individual and collective upward mobility project for the non-profit social service providers. In the process of legitimization, the non-profit providers of social services are assigned with characteristics defined by the legislation, indicators of ratings and assessments, discussed in the communities of NPOs and mass media. Organizations strive to meet the requirements and public expectations in terms of market efficiency, embeddedness in a local context, affective and value congruence with donors and target groups, partnerships with government agencies. At the same time, SONPOs are expected to be flexible enough in order to maneuver between the expectations of different stakeholders and weave different logics into their organizational identity.

Keywords: legitimacy, socially oriented non-profit organizations, social service providers.

Acknowledgements

This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The authors express their gratitude to the anonymous reviewer and the editors of the journal for their valuable comments and recommendations.

References

- Ashforth B.E., Gibbs B.W. (1990) The Double-Edge of Organizational Legitimation. *Organization Science*, 1(2): 177–194.
- Baranov I.N. (2012) Novyj gosudarstvennyj menedzhment: evolyuciya teorii i praktiki primeneniya [New public management: evolution of theory and practices of applying]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta* [Russian journal of management], 10(1): 51–64 (in Russian).
- Bauman Z. (2003) Zakonodateli i tolkovateli: Kul'tura kak ideologiya intellektualov [Legislators and interpreters: Culture as intellectuals' ideology]. *Neprikosnovennyj zapas* [Inviolable arsenal], 1(27): 5–20.
- Benevolenskiy V.B., Shmulevich E.O. (2013) Gosudarstvennaya podderzhka social'no orientirovannyh NKO v svete zarubezhnogo opyta [Foreign experience of governmental support for socially orientated NGOs]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal manahement], 3: 150–171.
- Berger P., Luckman T. (1995) *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social constructing of reality. Tractate on sociology of knowledge]. Moscow: Medium (in Russian).
- Bogdanova E., Cook L.J., Kulmala M. (2018) The Carrot or the Stick? Constraints and Opportunities of Russia's CSO Policy. *Europe-Asia Studies*, 70(4): 501–513.
- Chirikova A.E. (2011) *Social'naya politika v sovremennoj Rossii: sub'ekty i regional'nye praktiki* [Social policy of modern Russia: subjects and regional practices]. Moscow: Institut sociologii RAN (in Russian).
- Dellmuth L.M., Tallberg J. (2015) The Social Legitimacy of International Organizations: Interest Representation, Institutional Performance, and Confidence Extrapolation in the United Nations. *Review of International Studies*, 41(3): 451–475
- Di Lauro S., Tursunbayeva A., Antonelli G. (2019) How Nonprofit Organizations Use Social Media for Fundraising: A Systematic Literature Review. *International Journal of Business and Management*, 14(7):1–22
- Dimaggio P.J., Powell W.W. (1991) The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. In: Powell W.W., Dimaggio P.J. (eds.) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. London: The University of Chicago Press: 147–160
- Dimenshtejn R.P. (2008) Iz pravozashchitnoj deyatel'nosti RBOO CLP: pobeda v Verhovnom Sude — otmena «varvarskogo» Prikaza Minzdravsocrazvitiya» [From human rights activity of Center for curative pedagogics: victory in the Supreme Court — cancel of “barbarian” order of the Ministry of social development and healthcare]. *Tez. dokl. na kruglom stole «Sem'ya i rebenok-invalid»* [Family and child with disability]. Moscow: Press-centr Gosudarstvennogo Kremlevskogo Dvorca (in Russian).
- Dubrovskaya T.V. (2016) Metodologicheskie voprosy issledovaniia oppozitsii v politicheskom diskurse (na primere «sila vs. slabost'») [Metodological voprosy of the

study of the oppositions in political discourse (on an example of opposition 'power vs. weakness']). *Nauchnyi dialog* [Scholarly dialogue], 7(55): 23–44 (in Russian).

Fröhlich Ch. (2012) Civil society and the state intertwined: The case of disability NGOs in Russia. *East European Politics*, 28(4): 371–389.

Fröhlich Ch., Skokova Y. (2020) Two for One: Public Welfare and Regime Legitimacy through State Funding for CSOs in Russia. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 31(4): 698–709.

Greshnova E. (2010) Rezul'taty i efekty deyatel'nosti NKO — pomogayut li oni zavoevat' doverie obshchestva? In: *Povyshenie doveriya k nekommercheskim organizatsiyam: rossijskij kontekst* [Results and effects of NGOs activity — do they help to obtain social trust?]. Moscow: Agentstvo social'noj informacii, 2010: 38–44 (in Russian).

Grigoryev S.I., Kataeva V.I., Fomicheva T.V. (2018) Innovacionnye praktiki social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij (SONKO) po delam sem'i i detej v Rossii [Innovation practices of socially orientated noncommercial organizations (SONGOs) on family and children issues in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living standards of Russian regions], 1: 54–59 (in Russian).

Grishina E., Tsatsura E. (2020) Problemy razvitiya nekommercheskogo sektora social'nogo obsluzhivaniya pozhylyh [Developmental problems of noncommercial sector in social services for elderly people]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The journal of social policy studies], 18(3): 395–410 (in Russian).

Herlin H. (2015) Better Safe than Sorry: Nonprofit Organizational Legitimacy and Cross-Sector Partnerships. *Business & Society*, 54(4): 822–858.

Kholavin A. (2020) «Pirozhki dlya babushki»: kriticheskij vzglyad na proektnoe myshlenie NKO ["Buns for grandmother": critical view on project thinking of NGOs]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The journal of social politic studies], 18(3): 461–474 (in Russian).

Komitet grazhdanskikh iniciativ (2013) *Grazhdanskoe obshchestvo — resurs razvitiya Rossii*. Informacionno-analiticheskie materialy o deyatel'nosti negosudarstvennyh nekommercheskih organizacij «Negosudarstvennye nekommercheskie organizacii v Sankt-Peterburge» [Civil society — results of Russia development. Informational and analytical materials on nongovernmental noncommercial organizations "Nongovernmental noncommercial organizations in Saint-Petersburg"]. St. Petersburg: Centr razvitiya nekommercheskih organizacij (in Russian).

Korneeva I.E., Ojner O.K. (2018) Orientaciya na rynek i rezul'tativnost' deyatel'nosti rossijskih nekommercheskih organizacij [Market orientation and productivity of Russian noncommercial organizations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Menedzhment* [Herald of Saint-Petersburg State University. Management], 17(4): 437–464 (in Russian).

Kravchenko Zh., Moskvina A. (2018) Entrepreneurial NPOs in Russia: Rationalizing the Mission. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 29(5): 962–975.

Krysiak A. (2018) *Crowdfunding and Non-Profit Charities: Crafting Legitimate Profiles*. Master's Theses. Marquette University [https://epublications.marquette.edu/theses_open/504] (accessed: 16.10.2020).

Kupryashin G.L. (2016) Publichnoe upravlenie [Public management]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 2: 101–131 (in Russian).

Lister S. (2003) NGO Legitimacy: Technical Issue or Social Construct? *Critique of Anthropology*, 23(2): 175–192.

Luhmann N. (2001) *Vlast' [Power]*. Moscow: Praxis (in Russian).

Martynov M.Yu. (2019) Social'no orientirovannyye nekommercheskie predpriyatiya — obretnenie legitimnosti? [Socially orientated noncommercial ventures — obtaining of legitimacy?] *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological studies]*, 10: 83–93 (in Russian).

Mersiyanova I. V., Kononykhina O., Sokolowski W., Salamon L.M. (2017) Russia: A Classic Statist Model. In: Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. (eds.) *Explaining Civil Society Development: A Social Origins Approach*. Johns Hopkins University Press. Ch. 14: 223–236.

Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B (2016) Preimushchestva NKO kak postavshchikov social'nyh uslug: aprobatsiya v rossijskikh usloviyakh [NGO advantages as social services providers: approbation in Russian conditions]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Issues of state and municipal management]*, 4: 7–26 (in Russian).

Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B. (2017) NKO kak postavshchiki social'nyh uslug: verifikatsiya slabyyh storon [NGO as social services providers: verification of weak sides]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Issues of state and municipal management]*, 2: 83–104 (in Russian).

Meyer J.W., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *The American Journal of Sociology*. 83(2): 340–363.

Mills Ch.W. (2001) Sociologicheskoe voobrazhenie [Sociological imagination]. Moscow: NOTA BENE (in Russian).

Moskovskaya A.A., Berendyaev A.A., Moskvina A.Yu. (2017) Mezhdru social'nym i ekonomicheskim blagom: konflikt proektov legitimatsii social'nogo predprinimatel'stva v Rossii [Between social and economical benefits: conflict of legitimacy of social entrepreneurship projects in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya [Public opinion monitoring]*, 6: 31–51 (in Russian).

Moskvina A. (2020) Uchastie nekommercheskikh organizatsiy v social'nom predprinimatel'stve: vliyanie akseleratsionnoy deyatel'nosti (na primere akseleratora CRNO 2015–2017 gg.) [Noncommercial organizations participation in social entrepreneurship: acceleration activity influence (on the example of accelerator of the NGO development center 2015–2017)]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki [The Journal of social policy studies]*, 18(3): 379–394 (in Russian).

Myers M. (2007) The Use of Pathos in Charity Letters: Some Notes toward a Theory and Analysis. *Journal of Technical Writing and Communication*, 37(1): 3–16.

Popova I. (2000) Sociologicheskij podhod k issledovaniyu legitimnosti i legitimatsii. K postanovke problem [Sociological approach to legitimacy and legitimating studies. Determination of the problems]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing [Sociology: theory, methods, marketing]*, 3: 21–41 (in Russian).

Putnam P. (1996) *Chtbody demokratiya srabotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoj Italii [Democracy to bring results. Civil traditions in modern Italy]*. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Rudnik B.L., Kushtanina E.V. (2018) Privlechenie NKO k okazaniyu social'nyh uslug: prozrachnost' primenyaemyh procedur [Involving NGOs to social services providing:

transparency of the procedures applied]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 3: 117–137 (in Russian).

Rudnik B.L., Kushtanina E.V., Romanova V.V. (2017) Privlechenie NKO k okazaniyu uslug social'noj sfery [Involving NGOs to providing services in social sphere]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 2: 105–129 (in Russian).

Salamon L.M., Sokolowski S.W., Haddock M.A. (2017). *Explaining civil society development: A social origins approach*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Salamon L.M., Skokova Yu., Krasnopolskaya I. (2020) Subnational Variations in Civil Society Development: The Surprising Case of Russia. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 49(5): 1058–1081.

Sätte A.-M., Varyzgina A., Granberg L. (2020) The adaptation of local civic organisations in Russia to change: a case study of NGOs with a focus on social problems. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 18(3): 509–522 (in Russian).

Scott W.R. (2010) Reflections: The Past and Future of Research on Institutions and Institutional Change. *Journal of Change Management*, 10(1): 5–21.

Scott W.R. 2001) *Institutions and Organizations*. Thousand Oaks: Sage: 2001.

Soldatkin A., Blackburn M. (2020) Institutional changes in state authorities collaborating with NGOs. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 18(3): 523–538 (in Russian).

Starshinova A., Borodkina O. (2020) Deyatel'nost' NKO v sfere social'nyh uslug: obshchestvennye ozhidaniya i regional'nye praktiki [NGOs activity in the sphere of social services: community expectations and regional practices]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of social policy studies], 18(3):411–428 (in Russian).

Suchman M.C. (1995) Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *The Academy of Management Review*, 20(3): 571–610.

Sungurov A.Yu. (2009) Modeli vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: rossijskij opyt [Model of interaction of state authorities and civil society: Russian experience]. In: Yasin E.G. (ed.) *Modernizatsiya ekonomiki i globalizatsiya* [Modernization of economy and globalization]. V 3 kn. Kn. 1. Moscow: Izdatel'skij dom GU-VSHE: 500–508 (in Russian).

Tarascenko A.V. (2013) *Nekommercheskij sektor na rynke social'nyh uslug: k chemu vedut polumery liberalizatsii social'noj sfery v Rossii (opyt Sankt-Peterburga)* [Noncommercial sector on the social services market: what do the half measures of liberalization of social sphere lead to]. NIU VSHE [NRU HSE] [<https://publications.hse.ru/preprints/98524194>] (accessed: 04.10.2020) (in Russian).

Thrandardottir E. (2015) NGO Legitimacy: Four Models. *Representation*, 51(1): 107–123.

Toepler S., Pape U., Benevolenski V. (2020) Subnational Variations in Government-Nonprofit Relations: A Comparative Analysis of Regional Differences within Russia. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 22(1): 47–65.

Toepler S., Fröhlich C. (2020) Advocacy in authoritarian contexts: the case of disability NGOs in Russia. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 40(11–12): 1473–1489.

Tulaeva C. (2010) Gosudarstvennoe i negosudarstvennoe regulirovanie v rossijskom lesnom sektore: konfrontaciya ili sotrudnichestvo? (na primere vnedreniya sertifikacii FSC v Rossii). [Governmental and nongovernmental regulation in Russian forestry sector: confrontation or cooperation?] *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 4: 112–126 (in Russian).

Tysiachniouk M., Tulaeva S., Henry L.A. (2018) Civil Society under the Law 'On Foreign Agents': NGO Strategies and Network Transformation. *Europe-Asia Studies*, 70(4): 615–637.

Weber M. (1996) Osnovnye sociologicheskie ponyatiya [General sociological terms]. In: Dobren'kov V.I. (ed.) *Zapadno-Evropejskaya sociologiya XIX-nachala XX vekov* [Western-European sociology of XIX — beginning of XX centuries]. Moscow: Izd-vo Mezhdunarodnogo un-ta biznesa i upravleniya: 455–491 (in Russian).

Weber M. (2016) Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and society: an outline of interpretive sociology]: V 4-h t. T. 1. *Sociologiya* [Sociology]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki (in Russian).

Zabolotnaya G.M., Larionov A.V. (2017) Regional'nye praktiki institucionalizacii negosudarstvennyh postavshchikov social'nyh uslug [Regional practices of institutionalization of nongovernmental providers of social services]. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 3: 72–91 (in Russian).